

Работа газет
С. Киселев

27 ЯНВ 1966

На соискание премии имени Т. Г. Шевченко

ВЫСОКОЕ МАСТЕРСТВО

Я ВИДЕЛ несколько постановок пьесы А. Корнейчука «Страница дневника». И все они были неодинаковы. В разных театрах спектакль звучал по-разному. И это естественно. Более того — отменно. Одно и то же драматургическое произведение может — и должно! — находить разное сценическое воплощение, если, конечно, пьеса прочитывается самостоятельными режиссерскими глазами, если она осмысливается по-своему, в соответствии с творческими позициями театра.

Отличия «Страницы дневника» достигались преимущественно за счет трактовки образа старого боцмана Иллариона Грозы. В одном театре это был трагический образ, в другом — трагикомедийный, в третьем — остро драматический. Отсюда вытекало все остальное решение пьесы, в частности — конфликта Грозы с дочерью Юлей, с будущим зятем Макаром Брагой.

Образ же Аркадия Искры почти не трансформировался. Он чаще всего выглядел этаким резонерствующим наблюдателем. Во всяком случае, особой активности — понятной, внутренней — я в нем не видел.

С Аркадием Искрой в театре имени Ив. Франко я встретился несколько позже и был приятно удивлен. На сцене фигурировала знакомая и в то же время неизвестная личность. Никто, конечно, роли не дописывал, никто не обогащал ее новыми репликами и монологами. Герой произносил те же слова, совершал те же поступки и так же, как всюду, больше молчаливо наблюдал, чем действовал, реагировал, говорил. Однако же, как вырос, видоизменился образ! Действие спектакля

ощутимо переключилось на Искру. Он оказался в центре драматических событий, нес главную идею спектакля — идею неразрывной связи творчества с жизнью, с реальной действительностью.

Что же случилось? Почему так зазвучал спектакль? Кто его переакцентировал? Главным образом, исполнитель роли Аркадия Искры — народный артист СССР Евгений Пономаренко.

Не станем тут подробно доискиваться, кому был обязан герой подобной трансформацией — только актеру или актеру и режиссеру спектакля В. Лизогубу? Скорее, последнее. Но творческий замысел донесен исполнителем, и об актерской работе хочется поговорить пообстоятельнее.

В какие условия ставит драматург своего героя? В не очень-то благоприятные. На долю Аркадия Искры выпала роль скорее наблюдателя, свидетеля, чем участника драматических событий. В самом деле, в каких обстоятельствах действует Искра? Вот он очутился на берегу Днепра, встретился с Илларионом Грозой, с его дочерью Юлей, актерской четой Краев, художником Богутовским, оказался свидетелем непростых человеческих драм. Одни из них уходят своими корнями в прошлое, в

грозные дни войны и послевоенное время. Другие (расхождение в семье Краев) — более раннего происхождения. Одни (Гроза), так сказать, питаются соками жизни, другие (Богутовский) — творческой природы. Искра не только видит все эти драмы, но и до некоторой степени становится судьей человеческих поступков. Так, дочь Богутовского Ольга раскрывает перед писателем семейные распри, вводит его в курс своих разногласий с отцом, который оказался равнодушным человеком не только в своем творчестве, а и в жизни, трусливо отказался от попавшего в беду собственного сына.

Это и многое другое становится известно Искре, как раз заканчивающему свою новую пьесу. Наблюдать было что. Но нигде герою не дано действовать в прямом смысле слова. Он больше присматривается, прислушивается, грубо говоря, мотает себе на ус, делает какие-то свои молчаливые выводы. И нигде, по сути, не выступает в роли активного действующего лица, хотя и пылливо присматривается ко всему окружающему, по-своему переживает, во всяком случае что-то переосмысливает, переоценивает, о чем-то напряженно думает, живет интенсивной внутренней жизнью.

Трудная, ответственная роль! Она требует высокого актерского мастерства, незаурядного умения дать почувствовать горение человеческой мысли, назревание какого-то важного решения. Это оказалось под силу Е. Пономаренко, актерское дарование которого в последние годы раскрылось с особой силой, и прежде всего, в трагикомедийных ролях.

Что же удалось исполнителю? В чем заключается его творческая победа? В том, что зритель наглядно видит не только борение чувств, а и напряженные мысли героя. По тому, как заинтересованно присматривается Искра к исполнению Е. Пономаренко к своему неожиданному окружению, как пылливо следит он за всем тем, что разыгрывается перед его глазами, как чутко прислушивается к тому, что происходит в людских душах, как зорко изучает жизнь, — можно заключить, что герой — отнюдь не пассивный созерцатель, а активный участник всего происходящего. Более того, зритель хорошо видит, как реально действительность учит художника, как она направляет ход его мысли. И то, что в конце спектакля делает Аркадий Искра — рвет на части почти что готовую рукопись, — не кажется неожиданным. Видимо, произошли какие-то глубокие внутренние процессы, заставившие автора отказаться от завершеного труда, от своего литературного детища.

В чем дело? Что случилось? Чем вызван такой решительный и, пожалуй, неожиданный поступок? Видимо, тем, что художник перед лицом сложных жизненных событий убедился в преднамеренности, заданности, умозрительности своего творения. Он пришел к выводу, что нельзя творить по схеме, в отрыве от живой жизни, богатой противоречиями, конфликтами, несоответствиями, случайностями.

Исполнитель роли Аркадия Искры у франковцев дает все это остро почувствовать. Воочию видишь, как напряженно думает сценический Искра, как он взвешивает, анализирует, обобщает все увиденное и услышанное, как постепенно вызревает в нем решение отказаться от мертворожденного произведения.

Чем достигает этого актер? Умным, выразительным взглядом, красноречивой, хотя и сдержанной мимикой и, если хотите, — даже позой. Вся сосредоточенная фигура исполнителя преисполнена внимания. Мы часто пишем и говорим о подтексте, как неперменной принадлежности подлинно художественного сценического произведения. В современном театральном искусстве — сдержанном, лаконичном, образном — подтекст дает себя чувствовать еще больше. И тот актер, который умеет доносить подтекст, второй план драматического действия, добьется большого успеха.

Евгений Пономаренко всегда умел улавливать и передавать подтекст как роли в целом, так и отдельных ситуаций, монологов, реплик. Даже в откровенно бытовой иллюстративной драматургии он стремился находить то скрытое, недосказанное, многозначительное, что таит в себе тот или иной образ. А когда актер встречался с произведениями, в которых подтекст играл существенную роль, его дарование и мастерство разворачивались в полную силу.

Так случилось и с образом Аркадия Искры. Текста в роли не очень-то много. Действия также. Но в спектакле франковцев Искра оказался не только приметной, а и весьма активной фигурой. Актер и в паузах предельно красноречив. А это — немалое искусство. Мы увидели на сцене интенсивно мыслящего, наблюдательного, анализирующего художника, озобоченного тем, чтобы давать людям подлинные произведения искусства, а не мертвые схемы, далекие от живой жизни, ее сложностей и тревожений.

Работа Е. Пономаренко над образом Аркадия Искры заслуживает высокой оценки. И я горячо поддерживаю выдвижение Е. Пономаренко на соискание премии имени Т. Г. Шевченко. Актер создал яркий образ литератора, достойный премии великого художника слова.

Иосиф КИСЕЛЕВ.